

ВЛАДИСЛАВ МАМЫШЕВ-МОНРО КУДА Я ПОПАЛ? ГДЕ МОИ ВЕЩИ?

Стабильная мобильность и мобильная стабильность объективного субъективизма Владислава Мамышева

Трудно писать о себе в третьем лице, еще труднее - в первом или во втором. Да и о себе ли? "Кто я? Где я? Куда я попал? Где мои вещи?" - вот те вопросы, которые приходится мне задавать самому себе с тех пор, как взялся я за это нелегкое дело - поместить в себе вселенную; но не так поместить, как это делает каждый человек, помещая вселенную в кору своего головного мозга, а иначе, своею субъективной личностью, через свои физические и психические механизмы воплотить все многоликое человечество, пережить в себе все эти судьбы, взять на себя все эти бесчисленные грехи, уравновесить их бесчисленными благодеяниями, устранить половые, национальные, социальные и другие различия и остаться самим собой в таком едином многообразии. Не растворяться, а растворять. Не попасться в раствор, а самому быть этим раствором.

"Не волноваться, а волновать" - вывела губной помадой девиз на зеркале Мэрилин Монро в начале своей звездной карьеры. "Не подчиняться, а подчинять" - считал Адольф Гитлер. Субъективизм личности, поставленный во главу угла привел и ту и другого к подобным выводам. Но и к печальным развязкам. Монро и Гитлер (Гитлер и Монро) заняли одинаково максимальное внимание человечества. Десятилетие Адольфа Гитлера сменилось десятилетием Мэрилин Монро. Так они захватили самую середину XX века. Как Мужчина и Женщина, Зло и Добро, Черное и Белое, Ужас и Красота, Огонь и Вода, Черт и Ангел, Марс и Венера: Две крайности, показавшие лицо человечества под занавес существовавшей цивилизации. Тенденции монрологии и гитлеризма действуют до сих пор, расщепляя сознание населения планеты. Ведь разделив так контрастно человека пополам в своих ярких языческих субъективностях, Гитлер и Монро ставят и поставят крест на многовековом мифе христианства - главной подоплеке последней человеческой истории. В то же время, погрузившись в дебри графического символизма можно обнаружить, как Hitler&Monroe являют собой модель человека в чистом виде:

Н. М.

Так становится очевидно, что человек в лице наших героев развенчан, уничтожен, но также и вновь рожден, если эти две крайности соединить. Так я и сделал, соединив в себе эти крайности. Не растворился в этом крутом ментальном историческом замесе Гитлера с Монро, а растворил в себе их обоих, явив тем самым модель человека нового. Сему и посвящен был мой скромный труд мистификаций, манипуляций с образами этих героев, художественное, актерское, литературное и исследовательское творчество в последние годы. С механизмами этой работы, аргументами, результатами экспериментирования я и хочу познакомить читателей.

Сначала было "Дело". "Дело девятиклассника Владика Мамышева, учащегося средней школы №27 по кличке "Гитлер", предводителя неофашистской молодежной организации Василеостровского района". Так значилось в "деле", но к действительности никакого отношения это не имело, как и инкриминируемые мне сотрудниками Комитета Государственной Безопасности действия: организация фашистских сборищ, шествий с штандартами и автоматами по Невскому проспекту в коружении таких же "двойников" Геббельса, Гимmlера, Геринга и прочих на 9 Мая. Пищей для таких безумных фантазий у вполне серьезных людей из Комитета послужило письмо родителей одного из моих одноклассников, к которому прилагались фотографии меня в гриме Адольфа, мои карандашные рисунки - портреты Адольфа Гитлера анфас и профиль. Фотографий, рисунков, как факт я и не отрицал и не собирался, но все остальное: Больное воображение сотрудников КГБ только подхлестывалось моим невозмутимым спокойствием по поводу совершенных "преступлений". Неосознанная, но целенаправленная работа над ярким историческим образом была для меня чисто художественным увлечением, полным находок и откровений. Разве не откровение - обнаружить в своей внешности черты сходства с интересующим тебя объектом и ощутить на себе весь комплекс субъективных переживаний, вызванных непосредственным детским восприятием чужого как своего и своего как чужого! На подобные рассуждения майор КГБ Соболев реагировал как-то неадекватно, с чувством рассказывал мне историю про то, как его дедушку немцы забили прикладами в 44-м на Ладого. Причем ставя это печальное событие в вину мне, Владиду Мамышеву, он невольно подтверждал бесполезность моих экспериментов, в которых я был уже не я, а Адольф Гитлер - фюрер Третьего Рейха. Фашистских же целей при этом я не преследовал. По моим соображениям германский фашизм 30-40-х годов с его жестокостью, бесчеловечностью и авантюризмом стал лишь пьедесталом для возвышения и увековечивания в истории глубоко символической персоны Адольфа Гитлера, так же как американской кинематограф 50-60х годов стал пьедесталом богини любви и красоты XX века, на который и взошла Мэрилин Монро. Но ничего этого тогда, ухась в 9 классе, я не понимал и не отдавал себе отчета в том, что делаю.

Гитлер, по причине субъективности идеологии гуманизма, являлся запрещенной темой. Но тем не менее, он проникал всюду, насколько я помню, с самого детства. Через советские кинофильмы про войну, через боевые листки Кукрыниксов, через изобличающие произведения других художников соцреализма, через военно-

патриотическую литературу, периодическую прессу, анекдоты. Еще в младшей группе детского сада мои ровесники любили повторять: "Внимание, внимание! Говорит Германия: сегодня утром под мостом поймали Гитлера с хвостом". Чуть позднее: "22 июня, ровно в 4 часа Гитлер сварился в кастрюле - так начиналась война!" Этой постоянно поступающей информации о Гитлере мне вполне хватало, чтобы по невидимым волнам, связывающим нас всех в пространстве и во времени подключиться к его субъекту, проникнуть в сущность. Не хочу сказать, что я этого хотел или мог этого не делать. Это было независимо от моего желания, словно важное задание, которое не обдумывают. Задание, данное богом? Гитлером? Шизофренией? Это не важно, главное, что я его выполнил. Теперь я могу спокойно и субъективно ощущать себя Адольфом Гитлером, а благодаря внешнему сходству, щедро отпущенному мне природой - вообще быть им при наличии такой душевной или профессиональной потребности. Школьное "Дело" Гитлера для меня закончилось-таки через год. Это был первый год Перестройки в стране. Меня исключили из школы, чтобы не исключать из комсомола по просьбе моей матери, видного работника партаппарата.

К тому времени Гитлером я уже отболел и всерьез заболел Мэрилин Монро. Какая-то неведомая сила меня тащила в кинотеатры на фильм "Некоторые любят погорячее", который вдруг обрушился повсеместно на советский кинопрокат 1986/87 года под названием "В джазе только девушки". Он шел буквально во всех кинотеатрах одновременно и по очереди в течение года, и где бы я ни оказывался, по той или иной жизненной необходимости, в любом районе города и пригородах я мог пойти в кино и в ущерб учебе, работе, семейным обязанностям поглазеть на свою "страсть" Мэрилин Монро. В период происходящего тогда со мной полового созревания многие относили эту мою страсть к разряду мощных сексуальных потрясений. Мама даже водила меня на прием к врачу-психиатру для корректировки моего либидо. Врач-психиатр, как и ребята-ровесники, спрашивал меня, не дрочу ли я на фотографии Монро? Такая постановка вопроса буквально ставила меня в тупик. Уж что-то, но не секс интересовал меня в этой женщине. Иногда я думал, что это - мама моя, иногда, что бог мой. Дела важнее Мэрилин Монро перестали для меня существовать. Все мое время поглощало посещение киносеансов "В джазе только девушки" (единственного в советском прокате фильма с участием Мэрилин Монро) или проникновение в самые разноплановые городские библиотеки с целью найти хоть какую-то информацию (книги, фотографии, статьи в прессе) про Монрои похитить для домашнего визуального изучения. Остановить меня не могло ничто и никто. Даже скандал в Публичной библиотеке, где я был пойман за вырезанием из газет и опозорен через городскую газету "Смена", как гнусный вор-панк "с овечьим, бессмысленным выражением во взгляде", не положил конец моей одержимости. Чего только я не натворил в этом захватившем меня потоке, какими только принципами и приличиями я не поступился! Страшно и вспомнить! Это была бездна, в которую я полетел, сжигая мосты.

Такое поведение было оправдано отсутствием популярной информации о Мэрилин Монро в советском пространстве моего номенклатурного детства. И я стал жадно поглощать этот образ по существу, который, как и Гитлер, относился к разряду умалчиваемых тем в советской идеологии - ввиду его вопиющей ничем не оправданной сексуальности. Можно сказать, что я получил очередное "задание" и спешил его выполнить. В 1987 году меня забрали служить в армию. Событие куда менее значительное, чем мое "задание" и поэтому даже на космодроме "Байконур", где проходила моя служба, преград я не находил. И вот субъективизм мой созрел до того, чтобы поместить в себя Мэрилин Монро. И, о боже, я вновь обнаружил свое поразительное сходство как и с Гитлером, так и с Монро. Не откладывая дело в долгий ящик, солдат Мамышев находит какие-то тряпки на своем боевом посту художника и ведущего театрального кружка в детском клубе, обдирает с головок детских куколок-блондинок все волосы и воспроизводит на себе этот неповторимый образ. Я - Мэрилин Монро! Рядом приятель фотограф, мы делаем несколько снимков, вскоре снимки находит замполит Ключков. Толстый томик моего нового "Дела", начатый замполитом, перекочевывает в психиатрическое отделение госпиталя, откуда меня уже врачи отправляют домой, под самую пасху 1989 года, как непригодного к службе.

За успешно выполненные "задания" судьба словно вознаграждает меня. Вернувшись из армии в Ленинград, я очень быстро становлюсь знаменитым художником, актером, певцом, писателем: Если образ Гитлера зачастую угнетает праздную публику, тяжело давит на психику, даже вызывает агрессию и поэтому не подходит для концертных площадок, то образ Мэрилин Монро оказывается там, как рыба оказывается в воде. А тут еще мужчина, переодетый в Мэрилин Монро! Такого на советских подмостках еще не случалось. Смелость и самоотверженность, с которыми я выполнял свое "задание", сделали мой образ Мэрилин Монро весьма заметным в обществе. С одной стороны, знаменитость эта мне приятна, с другой стороны, меня чуть было не засосала опасная трясина трансвестизма. Каких только нелепых теток мне не довелось воплотить в угоду толпе, слабой до развлечений! И лишь принципиальная позиция псевдоленности, отказа от "заманчивых" предложений спасли меня от участи Сергея Пенкина. Зато в самостоятельной, скрытой от обывателя работе я продолжал исследовать феномен своего стабильного и мобильного субъективизма. Так появилась моя кафедра "Монрологии" при Московской Свободной Академии, где я, вследствие многочисленных теоретических исследований и практических экспериментов выявлял истинную значимость образа Мэрилин Монро как позитивного и светонесущего божественного субъекта. Результатом этих исследований и экспериментов стала историко-философская работа "Вовсе то не солнышко ясное встает - это Монрология в гости к вам идет",

написанная в жанре эксцентрической диссертации. Первое издание этой работы готовилось в спешке - успеть для моей персональной выставки в Музее Революции; по миру гроыхали раскаты иракско-американской войны в Кувейте, и поэтому в этом издании можно найти массу наивных стилистических просчетов, не меньшую массу субъективных, чисто временных привязок к общественным процессам. Ой, да что бы я теперь ни писал - все божья роса, потому что благодаря своим радикальным перевоплощениям я словно прикоснулся к тайне мироздания, а прикоснувшись уже и познал, а познав уже и несу эту правду людям, читателям. Повторюсь, делал я это невольно, по не зависящим от моих желаний причинам. Природой было запрограммировано слиться в моей персоне трем субъективизмам: Адольфа Гитлера, Мэрилин Монро и моего собственного (или дополнительного, или собирательного) Владислава Мамышева. Или точнее - субъективизм Владислава Мамышева равномерно состоит из двух частей: субъекта А. Гитлера и субъекта М. Монро. Таким образом, один другого дополняет, обостряет и нейтрализует. И все это происходит внутри меня, что я, наконец, научился осознавать, анализировать и использовать в своей работе. Последним толчком к осознанию своей всевмещаемости послужил спонтанно сложившийся на "Пиратском телевидении" сериал "Смерть Замечательных Людей", где я визуально зафиксировал рождение и смерть в себе Гитлера и Монро. Теперь, состоящий из двух половинок Гитлера и Монро Владислав Мамышев стал еще и свободным от прежних биографических субъективностей двух последних, ставших в результате чистыми символами, указанными в начале статьи. Эти символы как два берега у одной реки, и, взяв у этих лидеров по эстафетной палочке, я имею возможность быть еще и рекой, и мостиком. Такое приятное открытие, совершенное на моей кафедре, также и большая ответственность. Честно скажу - ноша не из легких, а прямых привилегий, материальных или бытовых - никаких. Ведь получается - мой адрес не дом и не улица, а весь Земной шар, где далеко не под каждым кустом готов и стол, и дом. Следовательно, не всегда условия подходят для творческой работы.

А может быть, это и хорошо, потому что так поддерживается основной принцип моего субъективизма - стабильная мобильность (или мобильная стабильность). В такой интерпретации смешиваются два смысла - буквальный и ментальный. Обычная судьба человека - с трудом объективно оценивать собственные качества, собственную работу и это именно в силу частного субъективизма, отсылающего личность в определенную ячейку со своими индивидуальными особенностями и патологиями. Отказаться от такой ячейки и раствориться в безобразном океане жизни - тоже дело нехитрое и такие люди, порою ближе всего приближаются к настоящей объективности в своих суждениях (это БОМЖИ, клошары, другие бродяги). Мне же довелось, в силу естественного исторического течения времени представлять новый, уникальный случай объективного субъективизма. Сравнение могу подыскать только с объективным субъективизмом Иисуса Христа, можно сказать, моего предшественника, которого подобный феномен личности в итоге привел к учреждению нового ментального порядка на Земле. Таких целей даже в проекте я пока не имею, хоть и не исключаю их возникновения в будущем. По крайней мере, такая необходимость объективно назревает. Ставшая очевидной неэффективность религиозных практик, как следствие-смешение всего и вся в этой разобщенности - вопиющий факт потери лица, представительства цивилизации в идеологическом, философском, визуальном и других аспектах. Жизнь человека превращается в элементарное функционирование биологических и разумных (ну и что?) существо, в этакую дополнительную и смердящую оболочку Земли, наряду с почвами, минералами, флорой и фауной: Многоязычное пустословие на религиозную тематику, похоже, окончательно лишило человека той божественной сущности, которой его наделила когда-то судьба. Скрытая коварность и противоречивость демократических идей, выхолостивших бога из жизни, элементарным путем полной свободы его интерпретаций сделала свое дело. Запутавшемуся человеку уже некуда прибежать, как к судье или краугольному камню, хотя бы. Любой такой попытке будет тотчас противопоставлена тысяча альтернатив, в метаниях между которыми человек и проводит жизнь в современном обществе. Чистота и классичность жанров, нравов забыты, а попытки им следовать приписываются чуть ли не фашизму, и полностью отторгаются от жизни. Иметь ясную и оптимистическую позицию, основанную на стремлении к идеалам, становится старомодным, в моде депрессивные, надломленные, патологические характеры. Герой, терпящий поражение, сломленный судьбой, встречается чаще богоподобного героя-победителя. А раз так, то сама идея идеалистичности, система идеалов завершающейся эпохи несовершенна, немобильна и нестабильна, и закономерно ее крушение. Принципиально новый образ человеческого индивидуума, принципиально новый менталитет вскоре уже прояснится или вдруг возникнет ниоткуда. Растворившись в жидкости растаявших ценностей и идеалов, невозможно встретить эту новость лицом к лицу. Для этого нужно обратиться к некоему Олимпу, как основе нынешней цивилизации, обозначенному, в уходящем столетии, на мой взгляд, символами Гитлера и Монро. Выяснив основу, я пытаюсь при помощи других мистификаций и превращений обнаружить весь спектр такого "Олимпа". И эти мои занятия многие называют перформансом.

Перформанс как вид современного искусства существует. Часть моей работы критики приписывают к этому жанру. Но что это за явление?! Еще одна лазейка для получения муниципальных и фестивальных денег, не более того. Искусство перформанса само по себе вторично, как производная театра и современной концептуальной культуры. Причем, как жалкая насмешка над тем и другим. Будь ты хоть семи пядей во лбу и самым талантливым человеком на Земле, но если тебе поставят такую задачу - сделать перформанс, ты вынужден будешь забыть о своих талантах, точнее, собрать их все вместе, как условие жанра и вяленько так

продемонстрировав, как один твой талант мешает проявиться другому в скучных потемках перформанса. Сама идея удачная - издевательство над талантливым человеком, а еще многим нравится само слово перформанс - загадочное, серьезное и одновременно никакое. Современное искусство Запада, подчиненное бюрократическим структурам, то есть аппарату, никогда не откажется от перформанса - ведь тысячи чиновников от искусства живут на этом, организуя фестивали, семинары, симпозиумы, и проч. по перформансу, убеждают государство или спонсора выделять на это пустопорожнее занятие ежегодно миллионы долларов. Образовав за пределами снобистские структуры перформанса, чиновники наплодили и плодят армию артистов перформанса, ведь это и дополнительная презентация для эгоиста-художника, и зачастую денежное вознаграждение скорбного труда. Безусловно, в ряде случаев это решает проблему занятости человека в современном буржуазном обществе, особенно после неосмотрительного клича Бойса, мол, каждый человек может стать художником. Узнает об этом какой-то Билл или Стефания и думает: "а что, я тоже художник, мне тоже есть что сказать человечеству в лице музейных и фестивальных клерков, в лице критиков и искусствоведов, которым тоже надо что-то есть - открывать новые имена". И вот такой вполне современный художник, а вместе с ним и искусствовед, идут искать себе приключений на вернисажи и симпозиумы. Ну там скульптура, или живопись, или инсталляции, или видеорт - конечно, хорошо, но нужна мастерская, какая-то материальная база: Лучше всего - перформанс! Демократический и соответственно гуманистический подход к рассмотрению такого искусства позволяет окончательно выхолащивать понятие талантливости, не говоря уже о гениальности. А если такие критерии объективно уже не существуют или не рассматриваются, то препятствий и конца этому перформансному безумию в западном искусстве не предвидится. Ну это все, конечно, одно из звеньев в замкнутой цепи пороков буржуазного общества. Обидно и смешно наблюдать за начавшимся ростом перформансного движения в России. Ладно, у них там традиции такие - один дурак пошутил, другие всерьез приняли и закрутили машину. Время, история искусства все равно безжалостны к таким штучкам. Но в своей тяге подражательства Западу Русская культура неостановима. Без понятие, без серьезного анализа явления (благо, чисты мы были от этого вируса) начинается приобщение к этой общей копилке и кормушке всемирной демократии искусства перформанса. Требуется этого жизнь? Требуется этого время? Это необходимо человечеству? Нужен перформанс вечному искусству? Разве что, как признак, символ разложения насквозь прогнившей и зашедшей в тупик цивилизации. Непонятно только, куда исчезли благородные честолюбивые стремления к прекрасному, к идеалам у современных художников? Или художник-творец исчез из обихода современности, а на смену ему пришел художник-функционер?.. Выставки теперь - это отчеты: "Мы все вместе, мы все стоим один другого и вместе - ничего". Один и тот же набор оценок, терминов, эмоций в анализе современного искусства, муссирование одних и тех же идей, неуловимость личности в произведениях - стало правилом, исключения из которого его только подтверждают. Символом такого мутирования искусства из духовного, возвышенного в безликое, концептуально-бюрократическое служит перформанс. Конкретных примеров я даже не хочу приводить, потому что, что значат эти значки и закорючки, образующие фамилии авторов и названия галерей, музеев, концертных площадок и конференцзалов, если вместе они образуют единую тягучую бесцветную массу перформанса, начавшую разбухать как злокачественная опухоль в больном организме русского искусства. Сначала я не отказывался от предложений немного поперформансировать. И я даже понимаю эту особую прелесть, ощущаемую артистом перформанса на каких-то особо помпезных фестивалях и семинарах. Ощущение этакой непоколебимой избранности и приобщения к "тайне перформанса", немалые суточные, благожелательные отзывы в прессе, хорошая гостиница, культурная программа: И вот главное - эта самая загадочность происходящего. Загадка заключается в непонимании самим собой, в "связи с чем эти блага?" Вроде, ничего особенного ты не сделал. Так просто, отмазался от организаторов, поняв принцип перформансирования, сложил вместе несколько шаблонов в элементарной комбинации, растянул это на "подольше", "поскучнее" и умыл руки: А все кругом довольны - "Вы блестящий артист перформанса!" Естественно, блестящий, если с роду блестящий, но при чем здесь перформанс? Мои радикальные изменения собственной внешности влекут за собой и более глубокие изменения личности, субъекта. В разных личинах я и по разным тропинкам хожу. У каждого человека есть своя судьба, такой фатальный маршрут, который очень тесно привязан к внешнему образу. Например, блондин никогда не попадает в те места и уголки, которые являются сокровенными и важными для брюнета, и наоборот. Чего уж говорить о различии маршрутов мужчин и женщин. Опять же, если ты можешь быть и Гитлером, и Мэрилин Монро. Так что мое перманентное мутирование во множестве различных образов - скорее, возможность пройти все пути, влиять на судьбу, изменять ее влияние на себя, а не актерское ремесло и тем более, не перформанс. Почему же полем для своей деятельности я избрал культурную среду, область современного искусства?

Во-первых, в современном искусстве мы можем прочесть те процессы, которые в будущем окажутся и в повседневной человеческой жизни. Это, своего рода авангард человечества, где явления сконцентрированы, четко обозначены и предвосхищены. Во-вторых, художник и зритель современного искусства, так называемая культурная среда, обладают более подвижным складом ума, склонным к восприятию новых, радикальных идей в большей степени, чем, скажем, другие профессионалы, ограниченные в сознании своей специализацией. В современном искусстве никакая специализация ничего не ограничивает. В силу своей авангардности оно прежде всех остальных уже настолько потеряло всякие критерии приличности, нравственности, чувственности, красоты,

стало настолько циничным в своем всепоглощающем безразличии к человеческим ценностям, как и к объекту искусства, что по праву является той самой благодатной почвой, куда будет брошено семя "нового человека".

"Кабинет" №5, 1993